

ВОСПОМИНАНИЯ А.И. КУЗНЕЦОВА ОБ АРХИЕПИСКОПЕ ПАВЛЕ (ГОЛЫШЕВЕ)

(окончание¹)

4.

10 ноября 1971 г. архиепископ Павел прибыл в Вологду. Что он нашел в церковных делах Вологды, об этом свидетельствует его письмо ко мне, датированное 9 мая 1972 г. «Дорогой Аркадий Ильич! Пишу Вам из Москвы, куда приехал по делам. Настроение мое такое же, как и погода сегодня: пасмурно, идет снег. На новом месте я встретил много трудностей. Исполнительный орган собора – все безбожники, с ними заодно и настоятель собора. Здесь все делается вразрез с моими действиями, намерениями, пожеланиями. Дисциплины среди духовенства никакой. Помещение собора в запущенном виде, требует неотложного ремонта. Итак, все в полном расстройстве. Я послал Патриарху обстоятельный рапорт и просил его санкционировать некоторые мои мероприятия для выправления положения ...»

20 августа 1972 г. мы встретились с Владыкой в Москве в гостинице «Советская». Вид у Владыки был печальный. В беседе я спросил его, поправились ли вологодские епархиальные дела и получил ли он ответ от Патриарха на свой рапорт? Он ответил: «Дела из [рук] вон плохи. Ответа нет, жду и вряд ли дождусь... разве только последует указ об увольнении меня на покой. Уж очень усиленно об этом говорят и пишут мне благожелательные ко мне люди... немного переживаю...»

Потом я узнал, что в начале октября в Вологду прибыла «комиссия» из двух архиереев: Минского – Антония и Волынского – Дамиана. Чем эта комиссия занималась, об этом Владыка Павел писал в жалобе на имя Патриарха: «Будучи в Вологде, преосвященные Антоний и Дамиан менее всего интересовались проверкой фактов, изложенных в моем рапорте. Их деятельность протекала вдали и втайне от меня. Они ни о чем меня не спрашивали, только архиепископ Антоний сказал мне, что в Синоде стоит вопрос об увольнении меня на покой...»

7 октября, находясь в Москве, я получил от владыки тревожную телеграмму: «Жду немедленного Вашего приезда в Вологду». Владыка встретил меня при выходе из вокзала. Он вышел из машины и заключил меня в свои объятия. Пока келейник возился с моими двумя чемоданами, владыка кратко рассказал о последних событиях: приезде комиссии, непонятном поведении ее членов и о сообщении арх[иепископа] Антония о предстоящем увольнении на покой.

¹ Начало см.: Вестник ПСТГУ: II (История, История Русской Православной Церкви). № 3 (24). С. 143–155.

Вологодская резиденция владыки находится на окраине города (ул. Панкратьева, 16). Это небольшой одноэтажный домик, деревянный. В этом доме стоит мертвящая тишина. Люди ходят по комнатам и что-то говорят тихим приглушенным голосом. Даже завтрак подается молча, и едят все принужденно — явно предчувствие неизбежности драматического конца. После завтрака Владыка, ссылаясь на головную боль, уходит в свою комнату и там, сраженный головной болью, лежит в кровати и стонет. Его состояние понятно: представьте себе человека, которого спускают в густую, густую мешанину. Она обессиливает каждое его движение, не дает возможности даже плыть, она слишком для этого липкая и вязкая. Приблизительно он был в таком положении, и поэтому все его движения, все усилия были бесплодны.

Я тоже был потрясен всем происходившим, ходил из угла в угол, заходил в комнату владыки и утешался тем, что еще ничего не совершилось и, может быть, все обойдется к лучшему.

Вечером 10 октября из Москвы поступила телеграмма, приглашавшая Владыку в Патриархию на 11 октября. Вдвоем с Владыкой мы поехали в аэропорт, дорогою молчали, и только одну фразу обронил владыка: «Что-то скажут мне на Голгофе», и тяжело вздохнул. В этот день самолет не вылетел по случаю нелетной погоды. Владыка отправился в Москву вечерним поездом.

Друзья Владыки, т. е. иеромонах Анатолий, священник, тоже, кажется, Анатолий, и я с нетерпением и понятным волнением ждали возвращения Владыки. Вернулся он утром 13-го. Я встретил его на вокзале и был поражен его изменившимся видом: лицо его пожелтело и вытянулось, мешки под глазами буквально висели, он был рассеян. Все было ясно без слов. Совершилось непоправимое. Дома он рассказал нам, как и чем ознаменовался его прием в Патриархии: «В Москву я прибыл 12-го утром, а был принят в половине пятого [...] «Вот получите указ об увольнении Вас на покой». Я взял указ, внимательно его прочел и спросил: «Как же мою судьбу решили без меня и без истребования от меня объяснений по пунктам, содержащимся в указе?» [...] “Мы уполномочены только на передачу Вам указа и не можем вести с Вами беседы по его содержанию”. Через 8–10 минут прием был окончен, и я ушел».

Вечером по случаю кануна праздника Покрова Б[ожией] М[атери] Владыка служил в соборе всенощную, а в самый праздник — литургию при огромном стечении верующих, заполнивших собор и соборную площадь. После молебна перед иконой Владычицы Владыка обратился с прощальной речью к молящимся, в конце которой зачитал патриарший указ и сделал земной поклон. В храме стоял сплошной плач и даже отдельные рыдания.

Владыка благословлял верующих более часа, а затем, тепло сопровождаемый народом, спустился к автомашине, окруженной со всех сторон людьми. Люди не отпускали машину и со слезами, букетами цветов спешили последний раз поцеловать его руку. Раздавались добрые пожелания и искреннее сочувствие и даже надежды на возвращение его к нам. Картина умиления и христианской любви! Машина тронулась. По сторонам дороги плотными рядами провожавшие люди низко кланялись Владыке. Владыка посылал им благословения со слезами на глазах, но эти слезы не были слезами печали. Он был радостен в этот миг. Я видел это.

Дома лежали три телеграммы от иногородних друзей. В них была любовь к нему, сочувствие и преданность. Владыка держал телеграммы в руках и с довольной улыбкой перечитывал их. Затем был простой обед с вином. Владыка разливал виноградное вино по рюмкам. День кончился спокойно, благодушно. К сожалению, утро началось унынием. Сила переживания снова овладела Владыкой, и головная боль уложила его в кровать.

Все было понятно. В нем был разрушен целый мир, которым он жил и к которому был призван. Его пылкая душа, в которой было много нежности, много тонкой деликатности, неожиданно, невинно встретилась с гнетом тяжелых обстоятельств. Он терял тот пафос души, который его отличал и с которым он служил верующему народу.

Последние дни были заполнены сборами и упаковкой вещей, а также в приеме Владыкой приходивших к нему верующих группами и в одиночку. Все они выражали Владыке любовь и сочувствие, считая неправильным решение об увольнении его на покой. В их наскоро составленных жалобах на патриаршее имя содержались просьбы и прямые протесты. Зная истинно монашеский и безупречный образ жизни Владыки Павла, они не верили и не могли верить, чтобы можно было упрекнуть владыку в недостойном поведении или в неумении управлять церковной жизнью. Церковь лишилась достойного, доброго пастыря — вот их содержательный аргумент. Была здесь на приеме у Владыки и представительница новосибирских верующих — женщина, по профессии врач.

Группа из четырех женщин поднесла Владыке роскошное архиерейское облачение, только что сшитое и отделанное вологодскими кружевами. Одна из женщин, вручая подарок, говорила по записке речь. В конце речи говорилось: «Пусть этот наш подарок, над которым несколько дней и ночей трудились швеи и наши художницы-кружевницы, послужит Вам добрым воспоминанием о любви Вас вологжанами и протестом против тех, кто причинил Вам, дорогой Владыка, и нам, вологжанам, незабываемое горе». Принимая подарок, Владыка прослезился.

Всего 11 месяцев руководил Владыка душами верующих Вологды, и вот такая любовь и привязанность к нему! Явление милое, удивительное, достойное общецерковной памяти!

В свою очередь в адрес Владыки приходили письма и телеграммы от разных лиц и из разных городов. После уж, когда Владыка обратился с жалобой к Патриарху Пимену, он, между прочим, писал: «Как на мое увольнение реагировали верующие? Помимо многих протестов, посланных в патриархию из Вологды и Новосибирска, вологжане подарили мне наспех сшитое дорогое архиерейское облачение, отделанное вологодским кружевом... а сколько я получаю сейчас писем и телеграмм из разных краев нашей необъятной страны, в которых высказываются негодование и возмущение. Спасибо Вам, Ваше Святейшество, за то, что Вы так возвысили мой авторитет в глазах духовенства и верующих».

Владыка, разумеется, интересовался моим мнением по поводу его увольнения на покой, формулированным следующими пунктами: 1. Недостойным поведением; 2. Неумением управлять церковной жизнью; 3. Нарушением канонических норм (ЖМП. № 11. 1972).

Моему мнению нетрудно сложиться, оно было продиктовано самой формулой Постановления Синода и обстановкой, при которой совершилось это деяние. Уж одно то беспрецедентно, что «дело» рассмотрено в отсутствие «обвиняемого», которому ни заранее, как это положено, ни после состоявшегося решения, ни после подачи на решение жалобы не были сообщены пункты обвинения и доказательства его вины. О такого рода деянии возможно лишь единственное суждение: оно безусловно незаконно и стоит в противоречии с существующими у всех цивилизованных народов мира правил, категорически не допускающих рассмотрения дел (судебных, дисциплинарных, административных) без участия обвиняемых и без истребования от них объяснений. В нашей стране едва ли найдется случай, когда обвиняемый был бы лишен возможности знать, в чем его обвиняют и что дело о нем можно рассмотреть в его отсутствие. Благоразумный язычник Фест, в руках которого была судьба апостола Павла, не решился судить человека «прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения» (Деян. 25, 16). В сфере церковной, помимо общегражданских, существует 74-е правило, нареченное святыми апостолами, оно ясно определяет порядок рассмотрения дел «об епископах, обвиняемых в чем-либо».

Что касается существа «дела», как оно изложено в Постановлении Синода, то, кажется, я не ошибусь, если скажу, что обвинительная формула не укладывается в рамки простой логики. Владыка Павел безупречно, без единого замечания, как со стороны верующих, так и со стороны высших церковных властей, прошел от славы к славе свой тридцатилетний пастырский и архипастырский путь. Поэтому невероятно и неправдоподобно утверждение, что за эти долгие годы общения с верующими людьми он будто бы не приобрел способности управлять церковной жизнью. Напротив, реальные положительные факты благотворной, высоко полезной для Церкви деятельности Владыки Павла очень высоко ценились верующими (об этом говорилось выше). Зачем же выступать против очевидной истины? Может быть, непоколебимая истина явилась одним из поводов к протестам верующих против увольнения Владыки? Я не говорю о том, что владыка будто бы показал себя человеком «недостойного поведения» — это вздор, не нуждающийся в опровержении, аргумент, случайно попавшийся под руку. Мне думается, что иного мнения, как по форме, так и по существу, составить нельзя.

Что же все-таки случилось? Какие действительные, а не мнимые причины явились основанием для такого драматически-решительного решения служебной судьбы Владыки Павла? Чем и кому не угодил без вины виноватый, добродетельный человек? Мне кажется, что ответом на эти вопросы служит факт большого авторитета владыки и влияния его на верующую массу. На предыдущих страницах я уже отметил характеристические черты деятельности и личной жизни Владыки, добродетельность которых привлекала к нему сердца и души верующих. Не колеблясь скажу, что он был «светильник горящий и светящийся». Ясное дело, что некоторых из антицерковных сил не совсем устраивала такая ситуация, она зримо ослабляла негативные аспекты и вызывала озабоченность. Конечно, такое оружие против правды — клевета играла свою отвратительную роль и стала невидимым соблазном при решении судьбы Владыки.

Представьте себе коробку с бильярдными шарами. Шары уложены в ней в полном порядке, и только один шар не может уместиться рядом с другими. Он лишний. Такое случается и с административной коробкой, в которой оказывается лишний шар. Да, лишний – простое, но многозначительное слово. Может быть, Владыка Павел был лишним и просто так оказался за бортом.

Владыка Павел отбыл из Вологды 26 октября 1972 г. и в тот же день прибыл в Кисловодск.

5.

Потребность невинно и незаконно прекратившейся архипастырской деятельности побудила Владыку Павла вскоре по приезде в Кисловодск к противодействию. Он посылает на имя Патриарха Пимена жалобу, в которой решительно отвергает воздвигнутые против него обвинения, послужившие к его увольнению на покой, сославшись на весьма положительные отзывы о нем верующих, вставших на защиту его доброго имени, что видно из многочисленной корреспонденции на патриаршее имя. Он доказывал противозаконность решения о нем, полагая, что негативное отношение к нему Синода вызвано клеветой со стороны, как ему известно, тех, кто добивался лишения его кафедры (эти лица он называл по именам). Он не просит предоставления ему кафедры, а ищет реабилитации своего доброго имени. Ожидая, но не получая ответа, Владыка посылает новую жалобу, затем третью, четвертую и до девятой включительно. Не ограничиваясь посылкой жалоб, Владыка предпринимает поездки в Москву с надеждой получить свидание с Патриархом, но увы! Патриарх отказывает ему в приеме.

Итак, в продолжение трех лет ни единственного ответа от Патриарха, ни единственной встречи с ним.

Подводя окончательный итог «братскому во Христе» отношению, Владыка Павел в прощальном послании ко мне пишет: «Противоканоническое и неестественное мое положение нахождения на покое заставило меня после девятикратного письменного и неоднократного личного обращения к патриарху Пимену – все осталось без ответа – искать выход из создавшегося положения. Я обратился к Советским властям и получил от них разрешение выехать к проживающему во Франции брату. На этих днях я к нему выезжаю.

Глубокосердечно благодарю Вас за Ваши молитвы и Вашу заботу обо мне в это последнее время моих невзгод. Обещаю Вам всегда за Вас молиться, где бы я ни был, а также прошу и Вас не забывать меня и впредь в Ваших святых молитвах. Искренно преданный во Христе Архиепископ Павел».

Верующие Новосибирска, Вологды и других мест, постоянно посещавшие Владыку в Кисловодске, в свою очередь восполняли жалобы Владыки посылкой в Москву своих представителей с письменными протестами. И вообще они не отступали от своей защитительной миссии Владыки. В связи с этим хочется отметить один любопытный эпизод. Новосибирцы, убежденные в том, что клеветнические пасквили могли сыграть печальную роль в судьбе Владыки, принялись за выявление сочинителей лжи. И действительно вскоре эти лица были установлены, названы их имена. Новосибирцы решили одного из пасквилянтов привлечь к судебной ответственности за искусственное создание обвинения

Владыки. Они обратились в прокуратуру, судебные инстанции с заявлением, и хотя их заявление под разными предложениями принято не было, они не отступали и жаловались в вышестоящие инстанции. И когда их хлопоты не увенчались успехом, они передали весь собранный материал в патриархию. Но там поступили с этим материалом так же, как и с жалобами Владыки.

Покойный Владыка болел периодически. Особенно головные боли выводили его из равновесия, и только находясь на покое в 1974 г. он избавился от этой болезни через хирургическую операцию головы. «Я теперь здоров и полон сил, головные боли меня оставили», — писал Владыка мне. 28 января 1975 г. владыка упал, сломал ногу и пролежал в кисловодской больнице около трех месяцев (это второй случай, первый раз в 1965 г. он упал и повредил левое плечо, пролежав в новосибирской больнице полтора месяца).

Пока Владыка жил в Кисловодске, я посетил его четыре раза. Последний раз я посетил его 22 июня 1975 г. Во дворе дома, в котором он жил, навстречу мне на костылях еле передвигался седой старик. Трудно было узнать в этом старце былую стройную фигуру высокого, а теперь согбенного человека: пожелтевшее лицо с мешками — следы тяжелого переживания оклеветанного подвижника. Оставалась по-прежнему добрая, ласковая улыбка.

Несмотря на тяжелое состояние, Владыка собирался к отъезду за границу и обсуждал со мною план и подробности поездки. Отъезд намечался им на сентябрь — октябрь (к тому времени, по предположению, он будет ходить без костылей). Дома у него бывал врач, производивший массаж поврежденной ноги. Мы сфотографировались с ним, а через несколько дней простились. При прощании владыка преподнес мне икону Спасителя Нерукотворного Его Образа и преподал благословение. Мы договорились снова встретиться в день его вылета за границу.

25 октября Владыка вылетел на самолете и в тот же день был в Париже у родного брата Кирилла Павловича.

6.

«Господь возводит низверженных» (Пс. 145).

Вскоре я получил от Владыки письмо. Он извещал меня о том, что через неделю после приезда во Францию он имел возможность совершить в греческом храме в Париже литургию архиерейским чином. «Три года я был лишен этой радостной беседы с Богом, вот она состоялась. Слезы восторга и умиления», — писал он. Кажется, через месяц — другое письмо. Владыка писал: «Я получил назначение управлять православными приходами Бельгии, Голландии и Западной Германии с местом пребывания в Брюсселе. Здесь я рос, учился, здесь прошла моя молодость, здесь я встретил старинных друзей. Сколько воспоминаний! Восторгов!.. На днях мне предстоит поездка в Лондон. Работаю много и даже читаю лекции... устаю». Слова «читаю лекции» напомнили мне об одном биографическом факте Владыки, к которому я должен вернуться. Я уже писал, что после хирургической операции в конце 1974 г. Владыка почувствовал себя здоровым и полным сил. Именно в это благополучное для него время к нему пришло из Бельгии письмо, приглашавшее его для чтения лекций в Лувенском

католическом университете. Радость его была неопишуемой. «Вот видите, я не забыт! Не забыт!» – восклицал он. И он стал готовиться к хлопотам об отъезде... но неожиданно перелом ноги в январе 1975 г. и все рухнуло... И вот теперь, может быть, его лекции в том же университете?

Письма Владыки ко мне приходили часто. Меня искренно радовала их оптимистичность, успехи друга доставляли мне огромное удовлетворение. Невинно и безжалостно прерванная святительская деятельность владыки на родной земле восстановилась на чужбине в дорогой ему православной стихии. Великая скорбь, через которую он прошел, привела его к большому успеху, к его достойному восхождению. Как не вспомнить слова псалмопевца: «Господь возводит низверженных!»

В сентябре 1978 г. письма прекратились. Это вызвало во мне тревогу. Я сделал запрос по его домашнему адресу – ответа нет. И только в начале ноября я получил вести: Владыка болен, целый месяц находился в больнице, а затем его перевели в женский монастырь, где за ним ухаживают сестры-монахини. Диагноз страшный – лейкемия. И вот печальная телеграмма, поступившая ко мне 22 мая 1979 г.: «Владыка Павел скончался 21 января, воскресенье».

Так окончилась многотрудная, подвижническая жизнь замечательного иерарха Русской Православной Церкви, блаженнопочившего архиепископа Павла.

Вечная память тебе, дорогому и верному служителю [воинства] Христову!

Публ. А.Н. Сухорукова